

Т. А. АЛЕКСАНДРОВА

ВИЗАНТИЙСКАЯ
ИМПЕРАТРИЦА
АФИНАИДА-ЕВДОКИЯ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ
ИМПЕРАТОРА ФЕОДОСИЯ II
(401–450)

УДК 94(495).01

ББК 63.3(0)4

А 465

Рецензенты:

д.ф.н. *М.Р. Ненарокова* • к.ф.н. *А.В. Анашкин*
к.и.н. *Г.Е. Захаров* • к.и.н. *И.Н. Попов*

Александрова Т. Л.

А 465 Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450) / Т. Л. Александрова. – СПб.: Алетейя, 2018. – 416 с. – (Серия «Новая Византийская библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-907030-07-7

Данная работа посвящена сложной, малоизученной и недооцененной эпохе: периоду правления императора Феодосия II (401–450), самому продолжительному в истории Византии. В это время империя переживала противоречивые процессы: упадку и нестабильности на Западе соответствуют подъем и расцвет на Востоке, в котором истории парадоксальным образом долгое время не видели никакой заслуги царствующего императора. В работе предпринимается попытка взглянуть на итоги его правления по-новому, с учетом современных исследований.

Супруга Феодосия II, императрица Афинаида-Евдокия (ок. 405–460) – дочь афинского профессора, язычница, ставшая христианкой, правительница, поэтесса и подвижница – является одной из символических фигур этой эпохи. Ее имя окружено легендами, далеко не все из которых достоверны, однако возникновение их само по себе знаменательно и имеет свои причины, разобраться в которых стремится автор.

Автор книги – кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности ПСТГУ. Книга рассчитана как на специалистов по истории и литературе данного периода, так и на широкий круг интересующихся историей поздней античности и Византии.

УДК 94(495).01

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-907030-07-7

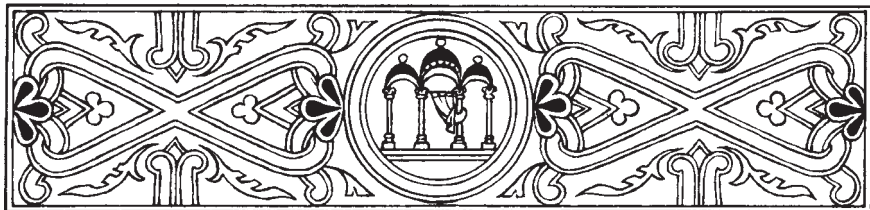

9

7859071030077

© Т. Л. Александрова, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

ВВЕДЕНИЕ

В истории культуры есть скрытые источники, питающие ее. Есть явления, имена и даже целые эпохи, по какой-то причине надолго погрузившиеся в забвение и заслоненные другими, однако без них не было бы последующих достижений и, не учитывая их, невозможно представить себе истинный путь исторического развития. Именно к таким эпохам относится время правления византийского императора Феодосия II (401–450). Именно к таким именам — исключительная личность его супруги, императрицы Афинаиды-Евдокии (ок. 405¹–460), — поэтессы, градостроительницы, подвижницы. Заслуги обоих сдержанно подтверждает их присутствие в православном месяцеслове в ряду благоверных царей, хотя настоящим почитанием они никогда не пользовались. Однако подлинные масштабы их деятельности и ее влияния на последующую византийскую и общеевропейскую культуру до сих пор остаются неосознанными, а тот образ благочестия, который они стремились претворить в жизнь на государственном уровне: синтез высокой эллинской образованности с живой и искренней христианской верой, — не смогли в полной мере оценить ни современники, ни ближайшие потомки; значение его становится понятнее, если исходить из исторического опыта нового времени.

Личность императрицы Евдокии предстает в ореоле разнообразных легенд, донесенных многочисленными византийскими хрониками, авторы которых ставили во главу угла занимательность и назидательность, а отнюдь не историческую достоверность. Основная фабула

¹ Обычно рождение Евдокии датируется 401 г., об основаниях для предлагаемой датировки речь пойдет в соответствующей главе.

такова: образованная афинянка по имени Афинаида, прекрасная молодая девушка, после смерти отца обиженная завистливыми братьями и приехавшая искать правды в Константинополь, неожиданно становится женой императора и христианкой, сменив имя на «Евдокию», и вместе с мужем более двадцати лет правит империей, но впоследствии в результате интриг оказывается оклеветана и удалена от двора; последние годы жизни живет в Иерусалиме, где занимается благотворительностью и литературным творчеством, не остается в стороне от вероучительных споров, общается с монахами, вовлекается в ересь, но впоследствии возвращается в лоно православия. Впервые в таком виде эта история появляется у хрониста VI в. Иоанна Малалы, в дальнейшем ее с незначительными вариациями повторяют почти все авторы хроник.

Неординарная судьба Евдокии не раз привлекала внимание историков и поэтов, романистов и композиторов. Однако за красивыми легендами не так-то легко разглядеть подлинную личность. Между тем Евдокия — не только исторический персонаж, но и писатель. До нас дошло несколько ее поэтических произведений: поэма «О св. Киприане», Гомеровский центон, несколько эпиграмм. Правда, оказывается, что с ее литературным творчеством тоже не все однозначно и сложно определить, в какой степени Евдокия является автором усваиваемых ей сочинений, тем не менее о ее взглядах, круге чтения и творческих принципах они говорят довольно много.

В последние десятилетия Евдокия как историческая фигура и как поэтесса неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, но здесь обнаруживается проблема: одни исследователи сосредотачиваются исключительно на исторической роли Евдокии, игнорируя или чрезмерно принижая ее творчество (А. Кэмерон², К. Холам³ и др.), другие занимаются преимущественно ее сочинениями (К. Бевеньи⁴,

² Cameron A. The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II // *Yale Classical Studies*. 27. 1982. P. 217–289. Статья без видимых изменений перепечатана в изд.: Cameron A. *Wandering poets and other essays on Late Greek Literature and Philosophy*. Oxford—New York. 2016. P. 37–81.

³ Holum K. *Theodosian Emperresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley—Los Angeles, 1982.

⁴ Bevegni C. *Eudociae Augustae Martyrium S. Cypriani I 1–99* // *Prometheus*, 8. 1982. P. 249–262 и другие работы (см. Библиографию).

М. Ашер⁵, Б. Сауэрс⁶ и др.), почти не затрагивая Евдокию как историческую фигуру. Целью данной работы будет совместить эти два подхода: рассмотреть жизнь и творчество Евдокии в широком историческом и литературном контексте и, с другой стороны, взглянуть на ее личность сквозь призму творчества. Автором данного исследования проанализированы все существующие грекоязычные и латиноязычные свидетельства о ней. Рассмотрены также основные свидетельства на восточных языках, переведенные на европейские языки (правда, в этой части исследование на полноту не претендует).

«Евдокия — интригующий персонаж, отчасти из-за отсутствия сведений о ней» — справедливо замечает исследовательница творчества церковного историка Сократа, Тереза Урбенчик⁷. Обращение к изучению творчества Евдокии и попытки понять ее как личность привели автора этой книги к мысли, что «загадка Евдокии» тесно связана с «загадкой Феодосия» и не может быть разрешена отдельно от попыток понять эпоху в целом и политику императора, женой которого стала дочь афинского софиста. И здесь исследователь также сталкивается со значительными трудностями.

Пятый век по Рождестве Христовом был сложным и противоречивым временем, когда Римская империя, все еще хранившая конституциональное и законодательное единство, переживала разнородные и даже разнонаправленные процессы в двух своих частях. Исторически сложилось так, что внимание историков и исследователей в этот период привлекала в основном западная часть империи, постепенно погружавшаяся в хаос и упадок. За апокалиптическими событиями на Западе и «падением Рима» остались почти незамеченными одновременный подъем на Востоке и возвышение Константинополя. И это отчасти объяснимо: по каким-то причинам в источниках жизнь Восточной империи V в. освещена скупо, гораздо хуже, чем в соседние века, IV и VI. Точнее, мы располагаем подробнейшими свидетельствами об эпохе в целом, отразившимися в законодательных памятниках, таких, как Кодекс Феодосия или Деяния двух Вселенских

⁵ Usher M. *Homeric Stitchings. The Homeric Centos of the Empress Eudocia*. Lanham, 1998.

⁶ Sowers B. *Eudocia: The Making of a homeric christian*. Cincinnati, 2008.

⁷ Urbainczyk T. *Socrates of Constantinople. Historian of Church and State*. Ann Arbor, 1997. P. 22.

соборов, Эфесского и Халкидонского; развитой патристической литературой (достаточно назвать имена свт. Кирилла Александрийского, блж. Феодорита Кирского, ересиарха Нестория), довольно богатым агиографическим материалом, — но при этом полностью отсутствуют анналистические повествования, светские исторические труды, а разнообразные «Церковные истории» обнаруживают тенденцию говорить об этом времени в общих чертах, причем именно период правления мужа Евдокии, Феодосия II, как правило, практически выпадает из поля зрения авторов.

Феодосия II действительно называют «загадочным правителем»⁸. Он вошел в историю как «Младший» или «Малый» (μικρός), в отличие от своего деда, Феодосия I, «Великого», (346–395). И хотя прозвище отражает лишь временную последовательность, в историческом контексте к нему примешивается оценочность: внук во всем уступает деду⁹. «Гений Рима умер вместе с Феодосием, который был последним из преемников Августа и Константина, появившихся на полях брани во главе своих армий, и власть которого была всеми признана на всем пространстве империи»¹⁰, — писал Эдвард Гиббон, подразумевая, конечно, Феодосия-деда. О Феодосии-внуке он говорит с откровенным пренебрежением: «Феодосию никогда не внушали желания поддержать славу своего блестящего имени, и вместо того, чтобы стараться подражать своим предкам, он превзошел в слабодушии и своего отца, и своего дядю... До тех несчастных монархов, которые родятся на ступенях трона, никогда не доходит голос правды, и сын Аркадия провел свое вечное детство окруженным раболепной толпой женщин и евнухов. Многочисленные часы досуга, которыми он располагал благодаря пренебрежению к существенным обязанностям своего высокого положения, наполнялись пустыми забавами и не приносящими никакой пользы занятиями... Отделенный от

⁸ Попов И.Н. Метаморфозы исторической памяти: Феодосий II Младший в восприятии византийских историков и хронистов V–XII вв. // ВВ 68/93. P. 164–173.

⁹ Illski K. "Der schwache Kaiser Theodosios?" / ed. L.M. Hoffman, A. Monchizadeh // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beitrage zur Byzantinistischen Geschichte und Kultur. Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. 7 Wiesbaden, 2005. P. 3–4.

¹⁰ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. М., 2008. Т. 3. С. 126.

всего мира непроницаемой завесой, Феодосий полагался на тех, кого любил; любил же он тех, кто привык забавлять его лень и льстить его наклонностям; а так как он никогда не читал бумаг, которые подавались ему для подписи, то от его имени нередко совершались несправедливости, которые были вовсе не в его характере. Сам император был целомудрен, воздержан, щедр и сострадателен; но эти качества, заслуживающие название добродетелей только тогда, когда опираются на мужество и руководятся благоразумием, редко были благотворны для человечества, а иногда даже оказывались вредными»¹¹.

Последующие историки рисуют ту же картину, с небольшими вариациями¹². Однако парадоксальность Феодосия II в том, что при этом «слабом» императоре империя переживала едва ли не лучший период своей истории. Если дерево познается по плодам, то плоды эпохи Феодосия II весьма значительны.

В самом деле, достаточно назвать сохранившиеся до наших дней Феодосиевы стены, которые в течение тысячи лет хранили город неприступным, или знаменитый свод права, Кодекс Феодосия, или же часто упоминаемое открытие в 425 г. Константинопольского университета, а также III Вселенский собор в Эфесе; наконец, достаточно вспомнить, за 42 года самостоятельного правления Феодосия в Восточной Римской империи, территория которой раскинулась от Дуная и северных побережий Черного моря на севере до Ливии

¹¹ Там же. С. 203.

¹² См., например, Bury J. A History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. New York, 1923. P. 212–235. Jones A.M. The Later Roman Empire. 284–602: A Social, Economic et Administrative Survey. Vol. 1. Oklahoma, 1964. P. 170–217 (весьма характерно название главы — The house of Theodosius — имеется в виду Феодосий I, а Феодосий II даже не назван по имени). Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. New Brunswick—New Jersey. 1969. P. 50–68 (имени Феодосия II в заголовке раздела, посвященного периоду его правления: Migrations and Christological Controversies, — опять-таки нет). The Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Late Antiquity. Empire and Successors. A.D. 425–600 / ed. Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Witby. Cambridge, 2008. P. 34–42. Gregory T. A History of Byzantium. Malden, 2010. P. 129–160. Lee A.D. From Rome to Byzantium. AD 363–565. The Transformation of Ancient Rome. Edinburgh, 2013. P. 81–158. Успенский Ф.И. История Византийской империи IV–IX вв. Т. 1. М., 1996. С. 126–147. Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 2003. С. 222–308. Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. М., 1998. С. 154–162.

и Палестины на юге и население которой составляло не менее 50 миллионов человек, не было ни серьезных внешних войн, ни внутренних потрясений, ни глубоких церковных расколов, что ни одна территория на Востоке не была потеряна и что не обнаруживается никаких признаков экономического упадка¹³ — то понятно, что все эти достижения не могли возникнуть сами собой, в отсутствии некоей единой направляющей воли и квалифицированной администрации.

Поэтому более проницательной представляется характеристика, которую дает Феодосию II А.В. Карташев: «Молодого Феодосия II новейшие византинисты¹⁴ не называют уже двойником нашего царя Феодора Иоанновича. Царствование Феодосия отмечено столь крупными просветительными, законодательными и строительными начинаниями, что предоставление творческой активности самой энергичной партии сената свидетельствует о способностях Феодосия выбирать наилучших советников»¹⁵. Положительно оценивает эпоху Феодосия и Фергюс Миллар, посвятивший ей монографию; к несколько менее решительным, но все же во многом сходным, выводам приходят авторы исследований, собранных в сборнике под редакцией Кристофера Келли¹⁶. Важность этого периода для становления Византии как государства отмечает и А.А. Чекалова¹⁷. Представляется, что процесс переоценки только начался.

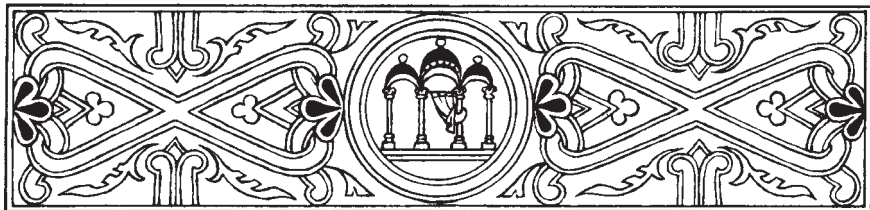
¹³ Millar F. Greek Roman Empire. Power and belief under Theodosius II (408–450). Berkley—Los Angeles—London, 2006. P. 16.

¹⁴ Карташев, возможно, имеет в виду Ю.А. Кулаковского, который, хотя и изобразил Феодосия II вполне в традиционном духе, решительно возражал против принижения его личности: «Со времени Эд. Гиббона даже в серьезных научных трудах появляются и доселе издевательские отзывы о личности Феодосия. Но в этих приговорах сказывается недостаточно внимательное отношение к фактам в отдельности и неумение понять дух и настроение тех давних времен. Глубоко и искренно благочестивый, неукоснительно твердый в своей вере, мягкий и кроткий по характеру, поддававшийся влиянию окружающих, Феодосий был преисполнен сознания высоты своего служения и своего сана и неукоснительно нес свой жребий как долг перед Богом и своим народом» (Кулаковский. Указ. соч. С. 284).

¹⁵ Карташев А.В. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 209.

¹⁶ Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity / ed. C. Kelly. Cambridge, 2013.

¹⁷ Чекалова А.А. Сенат и senatorская аристократия Константинополя. IV — первая половина VII в. М., 2010. С. 37–41.

Глава I

ПУТЬ АФИНАИДЫ-ЕВДОКИИ К ТРОНУ

1. Афины и афинские школы V в.

Родиной будущей императрицы Евдокии были Афины¹, и происходила она из «профессорской» среды. Поэтому, чтобы лучше понять ее мировоззрение, необходимо сказать несколько слов и о родном ее городе, тем более, что этот город издавна воспринимался не просто как географическая точка, но как символ эллинской культуры.

В поздней античности Афины оставались признанным центром образования, местом, где культивировалась античная пайдейя². «Афины... до конца античности останутся живым очагом интеллектуального труда: даже когда город полностью потеряет политическую независимость и значение, он никогда не будет провинциальным городом, как прочие, но останется славными Афинами, матерью искусств, наук и литературы. Он будет не только городом-музеем, овеянным воспоминаниями о славном прошлом и привлекающим

¹ В последние десятилетия этот факт попытались оспорить. Кэмерон предположил, что Евдокия провела в Афинах лишь 5–6 лет перед замужеством (Cameron. P. 274–274), а Холам — что на самом деле родиной ее была Антиохия (Holum. P. 117), и лишь имя «Афинаида» по созвучию привязало царицу к Афинам. Однако первая гипотеза в любом случае не отрицает связи императрицы с Афинами, а вторая вскоре была опровергнута фактом обнаружения при раскопках постамента статуи Евдокии с почитательной надписью (см.: Sironen E. An Honorary Epigram for Empress Eudocia in the Athenian Agora // *Hesperia*. 59, 1990. P. 371–375).

² См.: Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001; Т. 2. М., 1997.

любопытных сохранившимися в нем памятниками: он всегда будет центром образования, где традиция, никогда не прерывавшаяся, станет поддерживать атмосферу, исключительно благоприятную для духовного труда»³.

Пайдейя в античности весьма ценилась и была доступна лишь избранным. Она позволяла культурному человеку овладеть кодом поведения, принятого в высших слоях общества⁴. Это было искусство себя вести, поддерживать связи, дружить. Пайдейя включала в себя и понятие физического совершенства. Она достигалась дорогостоящим и длительным процессом обучения, предполагавшим несколько уровней. На начальной стадии ребенок обучался навыкам письма — этими занятиями руководил учитель письма, по-гречески именовавшимся просто «учителем» (διδάσκαλος) или «грамматистом», «учителем грамоты» (γραμματιστής, γραμμαδιδασκαλίδης)⁵. Профессия учителя начальных классов в античности считалась довольно низкой⁶, в отличие от более высоких ступеней. Так, известно, что в III в. н.э. заработок грамматика-литератора (обучающего письму и чтению) составлял 50 динариев в месяц, заработок грамматика — 200 динариев, ритора — 250.

Во время обучения у грамматика читались, разбирались и комментировались классические тексты (прежде всего, Гомер). «Гомер господствует над греческой культурой все то время, пока жива соответствующая традиция. <...> Уже с начальной школы его гигантский контур вырисовывается на горизонте: “Гомер не человек, но бог”, — ребенок списывал эти слова уже на одном из первых уроков письма; учась читать, он разбирал, как мы видели, списки имен, где шли один за другим гомеровские герои; начиная с первых связных текстов, он встречал уже несколько стихов, подобранных из Одиссеи, торжественно введенных в рубрике ἔπη, эпические стихи. Таким образом он должен был ощущать как величайшую честь переход к углубленному чтению самого произведения»⁷.

³ Mappу А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 203.

⁴ Watts E. City and school in late antique Athens and Alexandria. Berkeley — Los Angeles — London, 2006. P. 2.

⁵ Mappу. Указ. соч. С. 298.

⁶ Там же. С. 206.

⁷ Там же. С. 228.

Следующей ступенью было обучение в риторской школе, где учащиеся, ориентируясь на классические образцы, создавали собственные композиции, *progymnasmata*⁸. Умение создавать подобные тексты для публичных выступлений, руководствуясь определенным сводом правил, умение красиво говорить и убеждать, весьма важное для преуспевания в жизни⁹, было главным практическим результатом античного обучения.

Однако важно отметить, что образование предполагало не просто овладение определенной суммой знаний и навыков, но также и способность разбираться в вопросах нравственности, распознавать добро и зло, естественно, выбирая первое¹⁰. Образование ценилось настолько, что о нем могли упоминать в надгробных надписях¹¹. Цены на обучение были довольно высоки. Полный курс обучения могли себе позволить далеко не все. Так, хотя блж. Августин принадлежал к куриальному сословию, его семье пришлось значительно напрячься, чтобы дать ему возможность выучиться¹². Семья Василия Великого была весьма богатой, но обучение в Афинах смог себе позволить только старший сын¹³. Григорий Нисский в письмах к Либанию говорит об этом с оттенком сожаления¹⁴.

Между студентами и профессорами возникали социальные связи, нередко сохранявшиеся на протяжении всей жизни. В студенческих

⁸ Подробнее о них будет сказано ниже, в связи с творчеством Евдокии.

⁹ Роль человека, прошедшего обучение риторике, в эпоху империи хорошо характеризует Марру: «Теперь политическая фигура авансены — придворный советник, который умеет завоевывать доверие господина» (Указ. соч. С. 273).

¹⁰ Watts. Op. cit. P. 5.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 15.

¹³ О том, что старшие сыновья получали лучшее образование, см.: Van Dam R. *Families and Friends in Late Roman Cappadocia*. Philadelphia, 2003. P. 59–60.

¹⁴ «Знай же, что я не обильно пользовался наставлениями учителей, что не много жил в сообществе брата. <...> Если Василий есть виновник нашего красноречия, а он богатство своего слова получил от твоих сокровищ, то и мы владеем твоими богатствами, хотя и получили их через других. Невелико это богатство, но: немного воды в амфорах, однако ж, это вода из Нила» (цит. по: Григорий Нисский, Аскетические сочинения и письма. М., 2007. С. 274).

сообществах культивировалась дружба (отношения Василия Великого и Григория Богослова — классический пример таких студенческих связей). Вопросы религии в этих связях нередко отступали на второй план. Предполагалось, что образованный христианин будет дружественно относиться к своим иноверным соученикам, и наоборот¹⁵. Учителя нередко оказывали помощь бывшим воспитанникам (к примеру, в случаях, если последние имели неприятности с законом)¹⁶.

Афины были «университетским» городом; образовательная деятельность являлась основой афинской экономики, остальные сферы (производство масла, гончарный промысел) находились в упадке¹⁷. Соответственно, из примерно 20 тыс. населения Афин наиболее обеспеченным слоем являлись профессора афинских школ, но, естественно, число их было ограничено и между ними существовала довольно жесткая конкуренция. Доходило даже до потасовок и столкновений студентов разных профессоров¹⁸.

Трагическим рубежом в истории Афин стали 267–268 гг., когда город подвергся разорению от варварского племени герулов. Тогда погибли или были разорены представители многих знатных фамилий, а сам город еще долгое время не мог восстановиться из руин, хотя была выстроена новая стена для защиты от варваров. Страх перед варварами еще долго владел афинянами и был не беспочвенным. Беспокойство усилилось после поражения ромеев при Адрианополе в 378 г. В 395 г. Афинам вновь угрожал варварский захват: готы Алариха, пройдя через Фермопилы, вторглись в Аттику, захватили Пирей и через Дипилонские ворота вошли в город. Однако сами Афины взяты не были. Согласно легенде, Алариху явилась богиня Афина в полном вооружении¹⁹.

На протяжении IV в. на смену старым фамилиям приходит новая знать, к которой относятся и преподаватели афинских школ.

¹⁵ Watts. *Op. cit.* P. 15.

¹⁶ *Ibid.* P. 15.

¹⁷ *Ibid.* P. 22.

¹⁸ *Ibid.* P. 15.

¹⁹ Frantz A. *The Athenian Agora XXIV: Late Antiquity; 267–700.* Princeton, 1988. P. 51–52.

В начале IV в. профессура — наиболее влиятельный слой населения на фоне обедневшего города. Константин дарует им налоговые льготы, однако впоследствии они привлекают пристальное внимание имперских налоговых чиновников и постепенно теряют позиции. С религиозной точки зрения большинство афинских профессоров были язычниками, но в середине IV в. появляются и учителя-христиане, среди которых — знаменитый Проэресий²⁰. Однако вопросы веры при обучении оставались в стороне. Евнапий, учившийся у Проэресия, христианином не стал. Точно так же Василий Великий и Григорий Богослов, пройдя курс обучения в Афинах, несколько не повредились в своем христианстве. Афины в это время более всего славятся своими риторам, поэтому религиозно-философские вопросы, возможно, не затрагиваются совсем. Классическое образование, напротив, создавало мост между двумя культурами, языческой и христианской²¹.

Первым, кто подчеркнул связь образования с религией, был Юлиан Отступник, запретивший христианам преподавать. После него ситуация изменилась: с одной стороны, христиане начинают смотреть на афинских учителей с подозрением, с другой — учителя-язычники все более утверждают в своих убеждениях. Постепенно взгляды поляризуются.

Административная особенность Афин состояла в том, что после разделения власти между Валентинианом и Валентом в 364 г. они оказались в подчинении у императора Запада и это продолжалось до смерти Феодосия I. В дальнейшем Афины подчинялись префекту претория Иллирика²². В результате этого или же по чистой случайности, но город практически миновали феодосиевские гонения на язычников. Из надписей известно, к примеру, что в 387 г. сенатор Мусоний совершает в Афинах обряд *taurobolium*²³. В начале V в. афинская знать оставалась по преимуществу языческой и по мере сил поддерживала

²⁰ Так считает Э. Уоттс. Евнапий говорит, что Проэресия «обвиняли в христианстве», поэтому, согласно другой точке зрения, он язычник.

²¹ Brown. P. The world of Late Antiquity. AD 150–750. New York—London, 1971 (repr. 2013). P. 29–30.

²² Notitia dignitatum / ed. O. Seeck. Berolini, 1886. P. 9. Префект претория — одна из высших государственных должностей. См.: ODB-3. P. 1710.

²³ Watts. Op. cit. P. 82.

языческие культы. Насколько они практиковались в то время, когда законы как на Востоке, так и на Западе, грозили смертной казнью за совершение жертвоприношений, сказать трудно (с 345 по 435 гг. было издано шестнадцать императорских постановлений, предписывающих борьбу с остатками языческого культа²⁴), однако сами храмы еще оставались нетронутыми²⁵.

В структуре афинских школ в это время также происходит заметный сдвиг. Теперь центральное место в преподавании занимает философия, причем распространяется неоплатонизм ямвлиховского толка, вобравший в себя элементы пифагореизма, с уклоном в теургию²⁶. Наиболее известный его проповедник — схолярх Платоновской Академии Плутарх, возглавлявший ее с конца IV в. до начала 30-х гг. V в.²⁷ Преемником его был Сириан, а преемником Сириана — Прокл, приехавший учиться в Афины в 429 или в 430 г. Впрочем, термин «Академия» обманчив и между школой Платоном и Плутархом могло и не быть непрерывной цепи преемства²⁸.

Таким образом, картина Афин как несколько зловещего приюта магов, нарисованная в начале второй части Евдокииной «Поэмы о Киприане», в значительной мере соответствует исторической обстановке в ее родном городе:

Я неразумным младенцем увидел оргии Зверя,
 Брюхоползущего Змия. Достигнув года седьмого
 В таинства был я уже посвящен Фаэтона и Митры, 15
 Став гражданином высокого града достойных афинян.
 Матери было с отцом то угодно, меня породившим.
 Год завершил я десятый, когда возжигал уже факел
 Славной Део, предстоя белоснежному Коры страданию,
 И на вершине акрополя в граде богини-Афины 20
 В таинствах змия участвовал, став служителем храма²⁹.

²⁴ Frantz. Op. cit. P. 69.

²⁵ Watts. Op. cit. P. 84.

²⁶ Ibid. P. 87.

²⁷ Ibid. P. 98.

²⁸ Frantz. Op. cit. P. 57.

²⁹ Евдокия Августа. О св. Киприане / пер. и прим. Т.Л. Александровой // Вестник ПСТГУ, 3:2/47. 2016. С. 112.

На сам образ Киприана определенно повлияла ямвлиховская «Жизнь Пифагора», есть там пересечения и с «Халдейскими оракулами» — книгой, пользовавшейся популярностью среди неоплатоников начиная с Порфирия (ее вводит в свое преподавание и комментирует Прокл³⁰).

На рубеже IV–V вв. благосостояние Афин возрастает. Как показывают археологические раскопки, здесь ведется довольно масштабное строительство. Надписи свидетельствуют о деятельности Геркулия, который был префектом претория Иллирика в 408–410 гг.³¹ Он восстановил библиотеку Адриана, которая находилась в запустении со времен нашествия герулов. Это было внушительное здание с примыкающим к нему портиком. Здесь же находился храм императорского культа. Располагавшийся рядом форум играл заметную роль в социальной жизни Афин.

В те же годы северном склоне холма Ареопаг строятся виллы весьма значительных размеров (занимающие от 100 до 1350 м²). Одна из них получила название «дворца Гигантов» (фасад главного здания его был украшен колоссальными статуями тритонов и гигантов³²). Это крупный комплекс зданий и садов, построенный в 410-е гг. Главное здание трехчастное и напоминает позднейший дворец Теодориха, мозаичное изображение которого сохранилось в равеннской церкви Сант-Аполлинаре-Нуово³³. Параллель можно провести и с более ранней сицилийской виллой дель Казале. О назначении дворца Гигантов высказывалось предположение, что в нем могла располагаться школа неоплатоников³⁴.

Такова была обстановка в Афинах в первые годы жизни Афинаиды, дочери софиста Леонтия, будущей императрицы Евдокии.

³⁰ Watts. Op. cit. P. 108.

³¹ Frantz. Op. cit. P. 63.

³² Ibid. P. 95.

³³ Ibid. P. 110.

³⁴ Ibid. P. 115–116.

2. Происхождение Афинаиды, семья, детство

Имя своего отца Евдокия называет сама в стихотворной подписи, сохраненной Фотием:

Εὐδοκίη βασίλεια Λεοντιάς εὐπατέρεια.³⁵

Я — Евдокия-царица, Леонтия³⁶ славного отрасль.

Слово εὐπατέρεια — «дочь славного отца» — отражает ее дочернюю гордость, хотя известность отца была намного скромнее славы дочери. Сократ в «Церковной истории» говорит, что Евдокия была дочерью афинского софиста Леонтия. Чуть ниже историк указывает и ее имя, полученное при рождении: Афинаида³⁷.

Вероятно, именно об этом софисте Леонтии, отце Афинаиды-Евдокии, упоминается в дошедших до нас в фотиевском пересказе сочинениях Олимпиодора Фиванского и Дамаския³⁸. Олимпиодор, современник, сообщает, что помог Леонтию занять кафедру риторики в Афинах³⁹. «Он говорит, что прибыл в Афины и что при его хлопотах и тщании на кафедру риторики⁴⁰ был возведен Леонтий, уже не желавший этого,»⁴¹ — резюмирует его рассказ Фотий. К сожалению, подробности истории в его изложении не сохранились.

Дамаский, автор следующего столетия, рассказывая об Александрии рубежа IV–V вв., о Леонтии отзывается с откровенной неприязнью: «Леонтий, считая, что принял наилучшее решение, ушел домой с дерзостным помышлением, несчастным и пагубным, не обогатившись и не стяжав спасение, как сам думал, но потеряв боголюбивое благочестие и предав душу на погибель»⁴². Как отмечает Кэмерон, в устах языческого философа такая характеристика почти наверняка

³⁵ Phot. Bibl. Cod.183, 128a, 23–24.

³⁶ В «Пасхальной хронике» (под 444 г.) отец Евдокии назван Гераклитом, но это ошибка.

³⁷ Socrat. Hist. eccl. 7, 21, 27.

³⁸ Цитируются у Фотия (Bibl. cod. 80 — Олимпиодор, cod. 242 — Дамаский).

³⁹ Cameron. P. 274.

⁴⁰ εἰς τὸν σοφιστικὸν θρόνον ἀναχθῆναι.

⁴¹ Phot. Bibl. Cod. 80. 60b, 7–10.

⁴² Damascii vitae Isidori reliquiae / ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1967. P. 68.

означает обращение в христианство⁴³. Но в рассказах о Евдокии про крещение ее отца ничего не говорится. Между тем сама она, как сообщает Сократ, была крещена лишь накануне свадьбы⁴⁴. Куда удалился Леонтий и были ли его домом Афины, непонятно. Кэмерон предполагает, что Леонтий мог быть странствующим софистом (т.е. переезжать из города в город) и в Афинах жил лишь несколько лет, приблизительно с 415 по 420 г.

Поскольку оба сообщения о Леонтии, и Олимпиодора, и Дамаския, фрагментарны, восстановить общий контекст и увязать их между собой нелегко. Олимпиодор отвлекается на рассказ о Леонтии, излагая историю Запада империи. Свое сочинение он пишет в 420-е гг. и упоминание об услуге, некогда оказанной отцу здравствующей императрицы, даже если оно оказывается отступлением от основного повествования, вполне объяснимо. По общему контексту рассказ относится примерно к 415 г. Значит, только тогда Леонтий получил оплачиваемую властями должность. Если он не был в Афинах чужестранцем, то, возможно, прежде не имел особого успеха и вел лишь частное преподавание. За фрагментом о Леонтии в изложении Фотия следует фрагмент о ношении философского плаща трибона: «Говорит и о трибоне, что в Афинах нельзя было никому его надевать, и особенно чужестранцу, если ему не позволялось это решением софистов и обряды, совершенные по законам софистов, не подтверждали избрание»⁴⁵. Относится ли этот рассказ к Леонтию и подтверждает ли, что в Афинах он был чужаком, сказать невозможно.

Остается также загадкой, почему Олимпиодор говорит, что Леонтий уже не хотел занимать кафедру риторики. По мнению Кэмерона, причиной этого нежелания могло быть плохое здоровье (учитывая тот факт, что через несколько лет Леонтий умрет), однако, если софист обратился в христианство, то он мог и сам уже не желать оставаться в языческой среде⁴⁶. Во втором случае возникает вопрос: зачем Леонтий все-таки выступил в роли соискателя этой должности? Ведь не мог же Олимпиодор насильно заставить его принять ее! Но и эти

⁴³ Cameron. P. 274.

⁴⁴ Socrat. Hist. eccl. 7, 21, 8.

⁴⁵ Phot. Bibl. Cod. 80, 60b, 10–13.

⁴⁶ Cameron. P. 275.

вопросы остаются без ответа, и единственный определенный вывод, который можно сделать из этих сведений: отношения Леонтия с языческой профессорской средой не были гладкими, поэтому неудивительно, что после его смерти осиротевшая Афинаида переселилась в христианский Константинополь.

Задаваясь вопросом, что заставило Олимпиодора помогать Леонтию, Кэмерон предполагает, что он мог знать его раньше, и поскольку связь Олимпиодора с Афинами не зафиксирована, но известно, что он происходил из Египетских Фив, делает вывод, что стало быть и Леонтий какое-то время преподавал в Египте. Сюда же он привлекает сведения, приводимые Иоанном Цецем в его стихотворной истории «Хилиады», где говорится, что она «в грамматике ученица Иперехия⁴⁷ и когда-то немного слушала Ориона»⁴⁸. Однако тут же Цец жалуется, что ему до сих пор не довелось прочесть сочинений «золотой царицы», так что судит он о ней больше понаслышке, так что эти сведения могут оказаться легендарными. Кэмерон, сводя все обрывочные данные, выстраивает гипотезу, что Афинаида училась у Ориона в Александрии до 415 г., когда ее отец занял афинскую кафедру риторики. Из этого он делает вывод, что родилась она около 400 г.⁴⁹

В принципе, такая датировка согласуется с исчислениями, которые приводит византийский историк XIV в. Никифор Каллист Ксанфопул. Он сообщает, что на момент брака ей было 20 лет⁵⁰. Однако ни

⁴⁷ PLRE-2. P. 581. Сведения об Иперехии довольно смутны. Из словаря Суда (Υ273) известен грамматик с таким именем, александриец по рождению, возможно живший в Константинополе. Во времена Маркиана он написал несколько сочинений по грамматике и позднее был изгнан Львом I. Предполагается, что Цец мог иметь в виду его. Но по возрасту он едва ли годится в учителя Евдокии. Скорее, он был ее ровесником.

⁴⁸ Tzetz. Chil. 10, 51.

⁴⁹ Cameron. P. 274.

⁵⁰ Niceph. Call. Hist. eccl. 14, 50. Что Никифор Каллист способен допустить смешение дат, можно видеть из проводимого им же исчисления возраста Евдокии, в котором концы с концами никак не сходятся. «Скончалась она шестидесяти семи лет от роду. На двадцатом году она вышла замуж за царя Феодосия. И провела во дворце при матери-Пульхерии двадцать девять лет. И без Пульхерии правила семь лет. И одиннадцать лет провела в Иерусалиме. Из них четыре года она провела, не признавая Вселенского собора в Халкидоне, как мы уже прежде указали. А после того, как приняла, прожила еще четыре года. И затем умерла» (PG 146. Col. 1240). Если все это сложить

у кого из более ранних авторов возраст Афинаиды не указан. Поскольку родилась она вне дворца, документально ее рождение в императорских архивах зафиксировано не было. Зато известно, что двадцать лет на момент женитьбы было Феодосию II. Получается, что невеста была ровесницей жениха, если не старше его. Это также теоретически возможно, однако обычно девушек выдавали замуж в возрасте 15–16 лет — такой возраст считался предпочтительным для благополучного деторождения⁵¹, а для Феодосия, как мы увидим, этот момент был принципиально важен, учитывая, что все его сестры дали обеты девства, а империи нужен был наследник. Дочь Феодосия и Евдокии, Евдоксия, вышла замуж за Валентиниана III возрасте 15 лет. Исходя из этого дерзнем предположить, что примерно столько же было на момент свадьбы и самой Афинаиде. Эта датировка косвенно подтверждается нумизматическим материалом. Специалисты-нумизматы отмечают, что на ранних монетах Евдокия изображается «с необычно маленькой, изящной грудью»⁵². Вероятно, это говорит о стремлении мастеров-монетчиков минималистично передать облик новой царицы, по возрасту еще девушки-подростка. Итак, представляется наиболее правдоподобным, что родилась Афинаида около 405 г.

Сократ сообщает, что Евдокия «была обучена своим отцом и прошла разнообразные науки»⁵³. В семьях античных интеллектуалов девочкам нередко давали серьезное образование, и женская ученость

и соотнести с хронологией событий, то получится, что либо Евдокия вышла замуж 27 лет, либо умерла она не в 460 г., но тогда вообще вся хронология сдвигается, что невозможно. Из-за этой путаницы в литературе иногда указывается, что Евдокия родилась в 390-е гг. и, следовательно, была старше своего мужа на семь лет, а Пульхерии — на пять, но это совершенно несообразно. Такой вариант можно было бы предположить в случае страстного и запретного увлечения, но это никак не вяжется с характером Феодосия.

⁵¹ Ср. у Прокопия Кесарийского о племяннице Юстиниана, Юстине, которая «достигла восемнадцатилетнего возраста и все еще не была замужем» (Procop. Hist. arc. 5, 8).

⁵² Grierson Ph., Mays M. Catalogue of the late Roman coins in the Dumbarton Oaks collection, from Arcadius to the ascension of Anastasius. Washington, 1992. P. 156.

⁵³ ὑπὸ τῶ πατρὶ ἐπαιδεύθη, καὶ διὰ λόγων ἐληλύθει παντοίων (Socrat. Hist. eccl. 7, 21, 9).

вызывала уважение⁵⁴, так что здесь Афинаида исключением не была. Женщины-философы встречались даже чаще, чем женщины-риторы⁵⁵. Разумеется, можно вспомнить знаменитую Ипатию, возглавлявшую платоновскую школу в Александрии. Ученой была и современница Евдокии, дочь вышеупомянутого философа Плутарха, Асклепигения, у которой учился Прокл⁵⁶. Евнапий в «Жизнеописаниях философов и софистов» рассказывает о загадочной Сосипатре, мудростью превосходившей мужей⁵⁷. Тем не менее вне этой ученой среды подавляющее большинство женщин, даже знатных, ограничивались лишь начальной ступенью образования.

Образование, которое получила Афинаида, по-видимому, завершилось курсом риторики⁵⁸, – а это была высшая ступень, до которой женщины добирались крайне редко⁵⁹. Практическая его часть состояла в начитанности, а главное – в умении правильно составлять речи на заданные темы, в меру таланта подражая классическим образцам в стихах и прозе, что Евдокия и демонстрирует в своем творчестве. Кроме того, как уже было сказано, риторическая выучка давало своего рода код поведения культурного человека, которым девушка, несомненно, владела⁶⁰. Мэри Уитби, давая обзор литературных жанров, в которых проявила себя Евдокия (панегирик, ораторское выступление, парафраз, центон, “*patria*”), отмечает, что «эта императрица обладала риторическими навыками странствующего софиста»⁶¹. Выбор Феодосия в пользу такой невесты довольно

⁵⁴ Watts. Op. cit. P. 188.

⁵⁵ «Женщины, которых риторика не привлекала или же не допускала, не чуждались философии: это не было общим правилом, но не было и исключением» (Marry. Указ. соч. С. 289).

⁵⁶ Marin. V. Procl. 28.

⁵⁷ Eunap. V. Soph. 6, 8–9.

⁵⁸ К изучению риторики приступали в 14–15 лет, так что Афинаида вполне могла успеть приступить к занятиям ею до замужества.

⁵⁹ Criore R. *Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton, Oxford, 2001. P. 75.

⁶⁰ Watts. Op. cit. P. 14.

⁶¹ Witby M. *Writing in Greek: classicism and comilation, interaction and transformation*. Kelly. P. 213.

нетипичен для христианской среды, где женская образованность ценилась намного меньше⁶².

Возникает вопрос, училась ли Афинаида у Ориона, и что за личность этот Орион. В словаре Суда упомянуты два человека с этим именем: Орион Александрийский и Орион Фиванский (Ω 188). О первом сказано, что он составил словарь аттической лексики. Известно, что его грамматическую школу посещал Прокл⁶³. О втором — что он составил для Евдокии собрание сентенций в трех книгах (συναγωγήν γνωμῶν ἤγουν Ἀνθολόγιον πρὸς Εὐδοκίαν τὴν βασιλίδα γυναικα Θεοδοσίου τοῦ μικροῦ βιβλία γ)⁶⁴. Известен также Орион Кесарийский, автор собрания греческих этимологий. Предполагают, что все три Ориона — одно лицо⁶⁵. Таким образом, прослеживается прямая связь между Евдокией и Проклом, и это момент весьма важный. Однако раннее ученичество Евдокии у Ориона представляется сомнительным. Учителями дочерей, как правило, становились отцы. Так, учителем Ипатии был Теон, Асклепигении — Плутарх. О Сосипатре Евнапий сообщает, что ее взяли в обучение некие старцы, пришедшие в поместье ее отца, но это рассказ полуполегендарный, к тому же не сказано, что отец Сосипатры был ученым. Афинаиде же при жизни отца не было нужды искать учителей вне дома. Об этом говорит и цитированное выше прижизненное свидетельство Сократа⁶⁶. Сведения Иоанна Цеца могут лишь отдаленно отражать историческую реальность. Во всяком случае, понятно, что собрание сентенций Орион составил для царицы, а не для обучаемого подростка. Связь Ориона с Кесарией заставляет скорее предположить, что его встреча с Евдокией могла состояться во время ее пребывания в Палестине. Интереснее тот факт, что Евдокия все же не теряла контактов со средой, из которой вышла, хотя, вероятно, поддерживала отношения лишь с теми, кто был лоялен к христианству.

⁶² Достаточно сказать, что, если в языческих училищах женщины могли преподавать, то в христианских это строго воспрещалось. См.: Cribiore. *Op. cit.* P. 81.

⁶³ Marin. V. Procl., 8.

⁶⁴ Suda Ω188. s.v. Ωρίων.

⁶⁵ PLRE-2. P. 812.

⁶⁶ Socrat. *Hist. eccl.* 7, 21, 8.

Помимо отца известны имена двух братьев Евдокии: Валерий и Гессий. Если верить легенде, после смерти отца братья несправедливо обошлись с Афинаидой.

«Философ Леонтий, ее отец, имея двух взрослых сыновей, перед смертью распорядился, написав в своем завещании, что эти два его сына, Валерий и Гесий, становятся наследниками всего остающегося после него имущества, сказав в своем завещании: “Афинаиде, любимейшей моей родной дочери я желаю оставить сто одну номисму денег. Ибо ей достаточно ее участи, превосходящей всякую женскую участь”. И скончался этот философ Леонтий в Афинах. После его смерти Афинаида, она же Евдокия, упрашивала своих братьев, как старших, припадая к ним и умоляя не следовать этому завету, но разделить отцовское имущество между собой на три части, говоря: “Я ни в чем не виновата перед вашим отцом, как и вы знаете. И не знаю, почему, умирая, он лишил меня наследства и пожаловал мне после смерти только надежду на удачу”. Но братья ее оставались неумолимы и, разгневавшись, выгнали ее из отчего дома, где она жила вместе с ними»⁶⁷. Далее повествуется о том, что Евдокия, став царицей, простила братьев. В целом вся легенда о Евдокии переплетена с фольклорными мотивами и носит скорее новеллистический характер, хотя некая доля истины в ней содержится.

Оригинальную гипотезу высказал Холам. Он проанализировал фрагмент из Олимпиодора, предшествующий рассказу о Леонтии. Там говорится о том, что некий архонт Фракии (точное название его должности неизвестно) по имени Валерий в царствование «царя Констанция» нашел тайник с серебряными статуями и, доложив об этом царю, получил разрешение взять эти статуи себе⁶⁸. Очевидно, речь идет о времени правления Гонория, и Констанций — его несостоявшийся преемник, муж Галлы Плацидии. Холам предположил, что упомянутый Валерий и есть брат Афинаиды⁶⁹, и что, таким образом, ее родня уже успела приблизиться к трону независимо от нее.

Поскольку, как уже было сказано, история Олимпиодора дошла во фрагментарном пересказе, невозможно сказать, предполагал ли

⁶⁷ Mal. Chron. 14, 6–21.

⁶⁸ Phot. Bibl. Cod. 80, 60a.

⁶⁹ Holum. P. 118.

автор связь между эпизодом с «архонтом Валерием» и эпизодом с Леонтием. Версия Холама, согласно которой «архонт Валерий» — брат Афинаиды, представляется маловероятной. «Архонту Валерию» едва ли было меньше 30 лет в то время, когда Афинаиде было лет 10–15. При этом известно, что брат Евдокии Валерий был жив еще в 450-е гг. Но даже если предположить, что между братом и сестрой была столь значительная разница в возрасте, все равно разрозненные сведения в целостную картину не складываются. Если сын Леонтия занимает высокую административную должность, то почему же сам Леонтий нуждается в протекции Олимпиодора, чтобы быть избранным на нежеланную для себя должность профессора риторики в Афинах?

Тем не менее можно предположить, что «архонт Валерий» связан с Леонтием, Афинаидой и ее братьями узами родства, хотя и более отдаленного (отметим, что имя «Валерий» — родовое). И не исключено, что здесь намечен и некий конфликт: несмотря на могущество родственников, обессилевший Леонтий вынужден сам заботиться о содержании своей семьи, а после его смерти осиротевшая дочь не остается в Афинах и переезжает не к фракийским родственникам, а в Константинополь. Если присовокупить к этому неприязненные воспоминания о Леонтии, оставшиеся в памяти афинских неоплатоников (убежденных язычников и приверженцев Ямвлиха), из разрозненных фрагментов начинает складываться целостная, хотя и очень смутная картина, в которой угадывается обида, нанесенная будущей царице то ли родственниками, то ли афинскими коллегами отца, и становятся понятны и ее переезд в Константинополь, и отразившееся в ее позднейшей поэме о св. Киприане резкое неприятие неопифагорейских мудрецов.

Однако, став царицей, Афинаида еще раз оглянулась на родной город. О ее внимании к нему свидетельствуют археологические раскопки. В конце 80-х гг. прошлого века во время раскопок на афинской агоре был найден постамент ее статуи с надписью, гласящей, что царь Феодосий воздвиг ее в честь царицы Евдокии⁷⁰. Изображение самой царицы не сохранилось. Надпись, вероятно, была написана шестистопным ямбом, но уцелела лишь половина слов, помимо цитированных выше упомянут некий «верный служитель».

⁷⁰ Sironen. Op. cit. P. 372. Перевод и разбор надписи см. ниже.

Брат Афинаиды Гессий после ее воцарения становится префектом претория Иллирика, то есть возглавляет диоцез, к которому относятся и Афины. Не исключено, что именно при нем ведется строительство на афинской агоре. Высказывались предположения, что упомянутый дворец Гигантов мог возводиться в качестве официальной императорской резиденции⁷¹, хотя сомнительно, чтобы императорская семья собиралась проводить сколько-нибудь продолжительное время в провинциальных Афинах. Кроме того, на форуме реконструированной библиотеки Адриана, где раньше находился храм императорского культа, строится тетраконховая церковь. Посыл в этом читается предельно ясно: на смену культу императора пришло почитание Христа. Чуть позднее возводится еще одна церковь, близ реки Илисс. Ее также связывают с Евдокией⁷². В этом, возможно, слышится полемичный и веский ответ молодой царицы родному городу, чем-то ее обидевшему. Та же полемичная нотка будет отзываться в ее творчестве (прежде всего, в поэме о Киприане). Больше в Афины Евдокия не вернется.

В то же время гонения против афинских язычников в годы царствования Евдокии предприниматься не будут. Прокл, приехав учиться в Афины около 430 г., застанет еще нетронутыми статуи в храмах, и по крайней мере до середины V в. город сохранит прежний уклад жизни⁷³.

3. Афинаида в Константинополе: какие силы привели ее к власти

Дальше, согласно легенде, начинается сказочная история Золушки, ставшей королевой. Малала рассказывает об этом так: «И приняла ее сестра ее матери, как сироту, и хранила ее в девстве. И взяв ее, отправилась в Константинополь к другой тетке, сестре ее отца. И вместе с ней они составили прошение против ее братьев и выхлопотали,

⁷¹ Brown P. *Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire*. Madison, Wisconsin. 1992. P. 131.

⁷² Watts. *Op. cit.* P. 8.

⁷³ *Ibid.* P. 84.

чтобы ей обратиться к благочестивейшей госпоже Пульхерии, сестре царя Феодосия»⁷⁴.

Прибытию в Константинополь Афинаиды предшествовали следующие события. Двадцатилетний император Феодосий II, который к тому времени уже в течение 19 лет носил титул августа и в течение 13 лет являлся единоличным правителем Восточной Римской империи, решил жениться. Рассказ о его женитьбе явно подпитывается фольклорными мотивами и звучит в высшей степени занимательно: «Когда царь Феодосий подрос, при жизни отца своего, Аркадия, он стал учиться во дворце. И соучеником его был другой прекрасный юноша по имени Павлин, сын комита домашних. После смерти отца, царь Феодосий, повзрослев, решил найти себе жену. И стал просить свою сестру, госпожу Пульхерию, которая была девственницей, помочь ему в этом, а она, любя брата, сама не пожелала выходить замуж. И она стала выбирать невесту среди множества юных девственниц, дочерей патрикиев, или особ царской крови, и доложила об этом царю Феодосию, своему брату, вместе с которым жила во дворце. И царь Феодосий ответил ей: “Я хочу, чтобы ты мне нашла самую прекрасную девушку, чтобы с ней не сравнилась красотой ни одна женщина в Константинополе, будь она царской крови, или из первенствующих в сенате. Но если такая красавица, какую я ищу, не сыщется ни среди высших чинов, ни среди особ царской крови, ни среди богатых, тогда возьму жену, чьей бы дочерью она ни была, только чтобы она была самой красивой и девственницей”. И услышав об этом, госпожа Пульхерия повсюду стала усердно искать невесту. И Павлин вместе с ней прилагал все усилия, чтобы угодить царю»⁷⁵.

В такой-то момент и попала на прием к Пульхерии ни о чем не подозревавшая Афинаида. «И, придя, рассказала, как притесняли ее собственные братья, и говорила искусно. И Пульхерия, увидев, что она прекрасна и образованна, спросила у ее тетки, дева ли она. И узнав от них, что она непорочна и что в девстве ее хранил отец, эллинский философ, и что она наставлена во многих науках и философии, Пульхерия приказала, чтобы кувикуларии задержали Афинаиду вместе с тетками и чтобы они подождали, а сама, взяв ее прошение,

⁷⁴ Mal. Chron. 14, 4.

⁷⁵ Mal. Chron. 14, 3.

отправилась к своему брату, царю Феодосию, и сказала ему: “Я нашла прекраснейшую девушку, непорочную, прекрасно сложенную, ученую, эллинку, девственницу, дочь философа”. Он же услышав, будучи юношей, загорелся. И послав своего товарища и друга Павлина к своей сестре, попросил ее, чтобы она зачем-нибудь пригласила Афинаиду к себе в спальню, чтобы через порог посмотреть на нее вместе с Павлином. И ее привели. И Феодосий, увидев ее, влюбился, и Павлин тоже восхищался ею. И царь, сделав ее христианкой, ибо она была эллинкой, и дав ей другое имя — “Евдокия”, — взял ее в жены и сыграл свадьбу по-царски. И родилась у них дочь по имени Евдокия»⁷⁶.

Таков этот романтический и на первый взгляд безыскусный рассказ, который неоднократно пересказывался и византийскими историками, и историками новейшего времени. К его фольклорности и новеллистичности относились по-разному. Кэмерон, довольно критично разобравший исторические сведения о Евдокии, воспринял его на веру, считая, что выдумать такую версию невозможно, учитывая, что между Евдокией и Пульхерией в дальнейшем началось соперничество⁷⁷. Иначе подошел к этой истории Холам, который считал невозможным, чтобы Пульхерия ввела в царский дом некрещеную дочь языческого философа и свою будущую противницу. Холам, считая, во-первых, что Афинаида была язычницей и фактически ею осталась, лишь для виду приняв христианство, а во-вторых, что фракийский «архонт Валерий» был ее братом, предполагает, что она была ставленницей фракийско-иллирийских военных, которые, возможно, имели выход к константинопольскому двору через Павлина, сына комита доместиков⁷⁸. На наш взгляд, точка зрения Холама правдоподобнее⁷⁹, но она нуждается в некоторой корректировке.

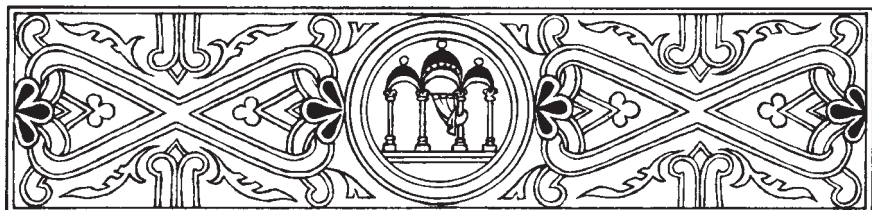
Если убрать из этой истории романтический флер, смысл ее будет вполне прозрачен: истинным правителем империи являлся не Феодосий II, а его сестра Пульхерия. Именно она принимала все ключевые решения. Она же ввела во дворец Афинаиду, буквально с улицы,

⁷⁶ Mal. Chron. 14, 4, 26–45.

⁷⁷ Cameron. P. 276.

⁷⁸ Holum. P. 84–85.

⁷⁹ Эту же точку зрения разделяет Джилл Харрис. См.: Harries J. Men without women: Theodosius' consistory and the budiness of government. Kelly. P. 68–69.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Путь Афинаиды-Евдокии к трону	17
1. Афины и афинские школы V в.	17
2. Происхождение Афинаиды, семья, детство	24
3. Афинаида в Константинополе: какие силы привели ее к власти	32
4. Семья Феодосия II. Феномен императора-ребенка	37
5. Феодосий II и Пульхерия. Причины политического возвышения сестры императора	43
6. Личность Феодосия II	53
7. Феодосий II и Афинаида: общность интересов	60
Глава II. Евдокия — царица империи ромеев	68
1. Общая характеристика политики Феодосия II	68
2. Война с персами и общие принципы внешней политики Феодосия II	75
3. Восстановление единства империи как главный проект правления Феодосия II	81
4. Образовательная политика Феодосия II. Аудиториум — Константинопольский университет?	87
5. Церковная политика 420–430-х гг.	92
6. Эфесский собор 431 г.	99
7. Кодификация права	113
8. Бракосочетание царевны Евдоксии с Валентинианом III ..	121
9. Первое паломничество Евдокии в Иерусалим	128
10. Существовал ли Аркадий II — сын Феодосия?	143
Глава III. Темное десятилетие	154
1. Внешнеполитические угрозы 440-х гг.	154
2. Деятельность Кира из Панополя	164

3. Церковные нестроения второй половины 440-х гг. II Эфесский («Разбойничий») собор	171
4. «История с яблоком» и удаление Евдокии в Иерусалим ..	186
5. Гибель Феодосия II и вопрос престолонаследия	205
Глава IV. Евдокия в Иерусалиме	219
1. Политика вокруг Халкидонского собора	219
2. Ситуация в Палестине после Халкидонского собора	237
3. Взятие вандалами Рима	246
4. Последние годы Евдокии. Ее отношение к Халкидонскому собору	255
5. Вопрос канонизации Евдокии	266
6. Судьбы потомков	271
Глава V. Поэтическое творчество Евдокии	280
1. Общая характеристика поэзии V в. н.э.	280
2. Поэма о войне с персами	290
3. Поэма «О св. Киприане»	295
a. История текста	295
b. Легенда о Киприане	299
c. Элементы биографии Евдокии в поэме «О св. Киприане»	303
d. Соотношение прозаической и поэтической версий ..	305
e. Источники сюжета	314
f. Источники поэтического текста	315
g. Метрика, поэтический язык	322
4. Парафразы библейских книг	329
5. Эпиграммы	332
6. Фрагмент о монастыре	342
7. Гомеровский центон	346
a. Распространение жанра центона	346
b. Существующие редакции Гомеровских центонов	350
c. Евдокия и первая редакция Гомеровского центона ..	356
d. Принципы составления центона	367
e. Интертекстуальность в Гомеровском центоне	372
f. Рецепция Гомеровского центона в последующей литературе	376
8. Значение творчества Евдокии	379
Заключение	382
Указатели	387
Список сокращений	398
Литература	402